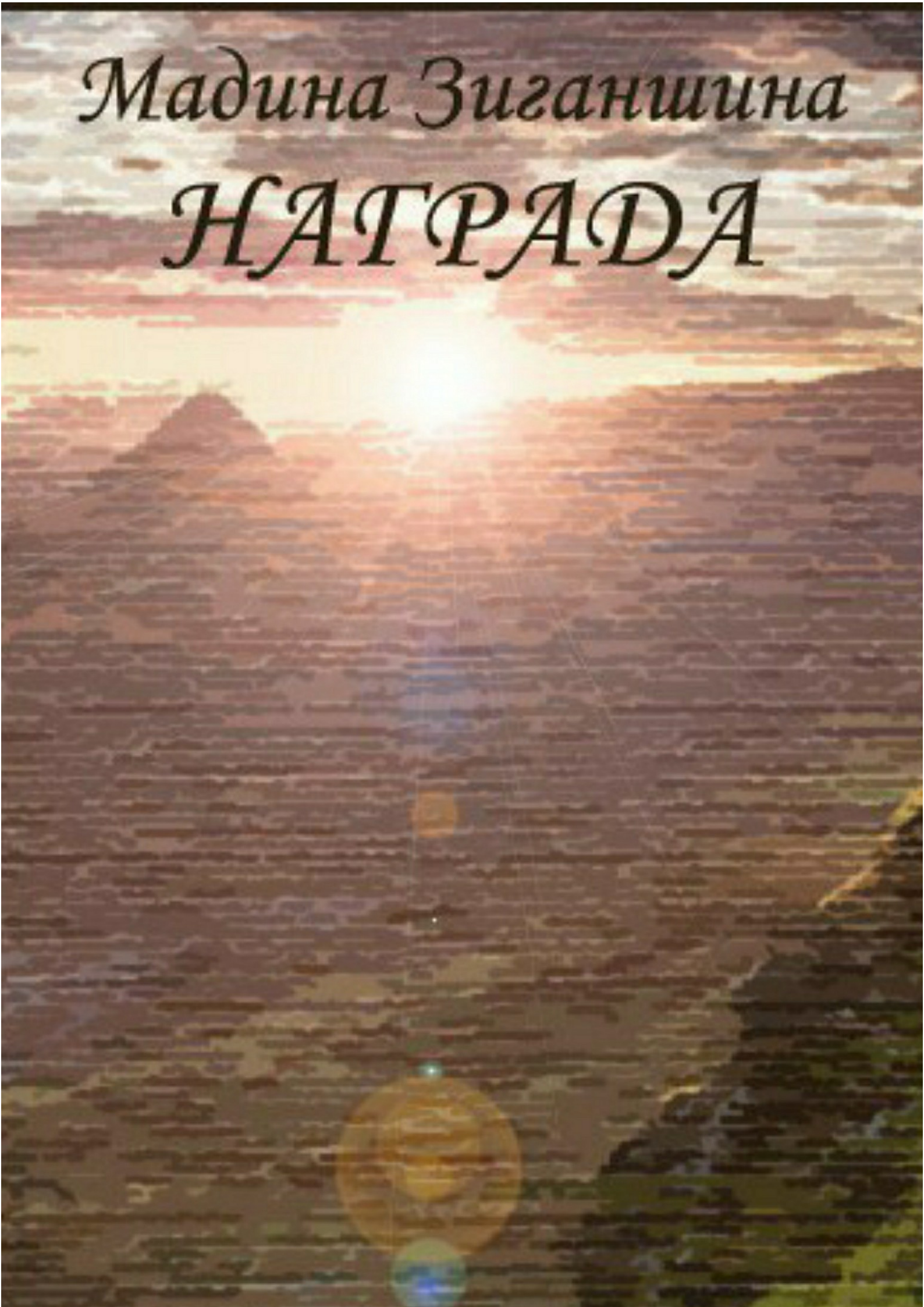

Мадина Зиганшина
НАТРАДА

Мадина Зиганшина

Награда

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Зиганшина М. Д.

Награда / М. Д. Зиганшина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта повесть о том, как блуждает человек в поисках своего назначения в жизни и как обретает свою значимость, найдя его. Жизнь человека - это крохотное явление в огромном разнообразии явлений во Вселенной, но не случайное. Нет ничего случайного. Сама случайность - не случайна.

© Зиганшина М. Д., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Повесть. Семей. 2017 г.

Рисунки выполнены Ибрагимовой Риналией. 11 лет

Что повесть эта, чем умна?
Что одна палка, два струна.
Так «тонко» оценил читатель,
Что сочинил ему писатель.
Согласна – примитивен инструмент,
Но вслушайся в тех струн дуэт!
Унылый зной степей
И топот удалых коней,
Гик всадников и свист бичей
И шелест перелетов саранчей.
Печаль и радость степняков...
Неполный перечень таков
Чудесных звуков «палки».

.....
Подстать домбре и эта повесть.
Житье – бытие...ну что за новость!
Но в ней изюминка сокрыта.
.....

Глава 1

Две вчерашние школьницы, как только что выпорхнувшие из гнезда птенцы, немного растерянные перед необъятным простором и мужчина с висками, подернутыми сединой, вдруг оказались в одной точке земного шара. С этого момента их жизни переплелись настолько тесно, что психологи ломали бы голову, а астрологи сбились бы с ног в погоне за звездами, чтобы разгадать тайну столкновения троих в этой точке земли.

А все было просто. Мужчина, который представился девочкам как художник Закорин, был оформителем фойе небольшого старого кинотеатра, поставленного на реставрацию. Он нуждался в помощниках и потому стал работодателем для девочек. Одна из них, мечтающая стать скульптором, Тамара, вторая, не имеющая никакого отношения к искусству, Гюзаль. Обе собирались ехать учиться и нуждались в деньгах. Каждая из них получила соответствующую способностям работу. Тамара исполняла рисунки художника в глине, Гюзаль была формовщицей глиняных изделий в гипсе. Длилась эта оформительская работа в кинотеатре не долго, и скоро пути этих троих разошлись. Тамара поступила в художественную академию в Москве, Гюзаль избрала журналистику.

Но это потом, а пока они все трое трудились над реставрацией кинотеатра. Работа, которую выполняла Гюзаль, была чисто технической: сделать форму, залив глиняный шаблон полужидким веществом, а потом наоборот, залить гипсом полученную форму. После того как гипс окончательно застынет, надо было снять с него гибкую форму, а изделие очистить, отшлифовать.

Закорин и Тамара работали творчески и вели разговоры об искусстве. Участвовать в них Гюзаль не могла, да ее и не приглашали. В их глазах она видела себя бесталанной простушкой. Однако она с затаенным дыханием вслушивалась в эти разговоры. Однажды Тамара поделилась с Закориным о своих замыслах. Она мечтала оформлять метро, рисовала ему картины будущих залов, а он слушал ее и снисходительно улыбался.

«Зачем он так!» – думала Гюзяль. Каким-то чутьем она улавливала в Тамаре большой талант, и ей стало обидно за девушку. Еще обидней стало ей, когда Закорин посоветовал Тамаре окончить художественное училище и потом обучать детей рисованию в кружках домов культуры. «Нет, нет, – она должна осуществить свою мечту, я об этом ей обязательно скажу», – решила Гюзяль.

Домой после работы девушки шли вместе. Небо без единого облачка было удивительно глубоким, и синим, синим. Тамара искоса посмотрела на Гюзяль. «Как жалок человек, который не способен видеть красоту, обделенные люди», – пожалела она девушку.

– Смотри, Тамара, сюда бы стайку белых голубей! – Гюзяль ладонью провела по воздуху, обращая внимание на небо.

Тамара изумленно посмотрела на девушку и промолчала. Ей стало стыдно. Некоторое время девчонки молчали.

– Тамара, ты с кем-нибудь дружишь? Синее небо явно настроила девушку на романтический лад.

– Нет. Я ищу себе друга, похожего на моего брата. Только за такого выйду замуж.

– А кто твой брат?

– Он сейчас работает по комсомольской путевке на электрификации железной дороги Тайшет – Абакан. Его зовут Лев.

– Какое звучное имя!

– Вообще-то у него и у меня по два имени. Папа выбрал лучшее в его вкусе – Олег и Нина, а мама – Лев и Тамара. Так вот и зовут по-разному, никто из них не принял выбор другого.

Тамара осыпала своего брата восторженными отзывами, и Гюзяль подумалось, что девушке трудно будет выбрать себе достойную пару.

– А ты, у тебя есть парень?

Гюзяль смутилась. Ей не хотелось отвечать, да и то, что было у нее, в одной фразе не уместилось бы, а рассказывать много было тоже вообще-то не о чем. Как-то она сидела в парке, и двое проходивших мимо парней, попросили у нее позволения присесть. Молодые люди сели по обе стороны от нее и, увидев в ее руках книгу, которая увлекла всю влюбленную в литературу молодежь, сразу же заговорили о Пушкине. Парни оказались студентами педагогического института. То ли тема разговора тому была причиной, то ли действительно было какое-то сходство, но Гюзяль восприняла этих двоих Онегиным и Ленским.

Дома, вспоминая эту встречу в парке, Гюзяль побоялась признаться себе, что влюбилась. Она подошла к зеркалу, глянула на себя, как бы со стороны, и заключила: такую полюбить нельзя. Кто и когда внушил, что она не красивая, только эта оценка, закомплексовала ее навсегда. Если бы люди задумывались о том, чем может закончиться их без задней мысли высказанное предположение: «ты очень похудела, не больна ли?» которое подвергает человека всматриваться в зеркало и вслушиваться в свой организм, выискивая заболевания. Болезнь он может и не обнаружить, но покой уже точно потеряет. Любая плохая весть – зло. Не зря испокон веков человеку, принесшему плохую весть, отрубили голову.

Глава 2

Того единственного творения рук Закорина – стайки голубей под низеньким фонтанчиком, стекающим в простенький бассейн, украшавшего центральный парк города, давно уже не было. Его сломали, как отжившую утварь и выбросили в мусор

Вещь эта была более чем примитивная, но видно, тогда, когда его устанавливали, либо ресурсов у города не было для лучшего, либо архитектор города был не очень-то сведущ в искусстве.

Автора этой скульптурной группы никто не помнил, или, может быть, даже не знал, мало ли что устанавливают в городе, за всем не уследишь.

Закорин уже жил в Алма-Ате, но не упускал случая сказать людям, что в таком-то городе, центральный парк украшает его творение. Люди, которые, слушали это, в том городе не бывали, и оценить его произведения искусства не могли. Но верили и называли его художником

Круг общения у Закорина был узок. Это люди, которых никогда не посещала муза, к тому же в основном это была молодежь, которую завораживало и манило то загадочное, что таилось в самом слове «художник».

Напускная важность, которая особенно удавалась Закорину, усиливала его влияние. К тому же держался он молодцевато, а снисходительная улыбка его обескуражила бы любого и без того малосведущего в искусстве человека, который попытался бы вдруг обличить его в бездарности. В кругу этих людей он чувствовал себя уверенно и спокойно, их внимание к его особе щекотало самолюбие.

А дома Закорина частенько встречали тетушки. В прошлом выходцы знатного в городе семейства, они старались сохранить свой статус. Закорин был чирей на теле их знатности, поэтому они не упускали возможности засыпать его упреками. Упреки их сводились к самому простенькому – недовольству тем, что он «сидит на шее матери», которая на свою крохотную пенсию содержит его. Самым унижительным для Закорина было то, что они требовали, чтобы он пошел работать. Кем? Чернорабочим, у него нет никакой специальности. Возмущало, что этого требовали те, кто когда-то хором пророчил ему будущее в большом искусстве, увидев в нем талант еще в раннем детстве. Они лелеяли эту мечту, купали в ней мальчишку. Надеялись, что он будет украшением их знатного рода.

Одного не учли тетушки, что талант нуждался в заботе, а мать мальчишки, рано оставшись вдовой, растила его на крохотную учительскую зарплату, едва прикрывая свою и сыновнюю наготу.

Утолив свою ярость, тетушки расходились по домам, и тогда его старенькая, совсем ссутулившаяся мать, подходила к нему, чтобы зализать раны, нанесенные ему тетушками.

– Да ладно, мама, разве они способны понять? Успокойся. Я не сижу, сложа руки, ищу сейчас возможность выставить в городе свои работы. Это отнимает много времени, ты же понимаешь, – говорил он матери, прижимая ее голову к своей груди.

Потом Закорин уходил в свою комнату. Лихорадочно защелкнув замок в двери, как зверь, улизнувший от погони, он наконец ощущал свободу. В полном одиночестве он снимал маску преуспевающего художника, которую носил весь день, тяжело опускался на стул и долго-долго сидел так в бездействии, и жалкая слеза стекала по его щеке.

Глава 3

Гюзаль подошла к фасаду Алмаатинского Дома правительства, встала под колонну и подняла голову. Высота колонны сразу придавила ее, она почувствовала себя маленькой, беззащитной и одинокой в этом чужом городе, куда приехала, чтобы поступать учиться. Впереди ждали вступительные экзамены, надо было преодолеть конкурс. Но это потом, а сегодня стояли проблемы куда важнее, ей было негде переночевать. Денег, которые дал ей отец из месячного своего заработка, не хватало ни на оплату квартиры, ни на питание. Часть денег, которые потребуются на обратную дорогу, Гюзаль положила на самое дно чемодана.

Сдав документы в приемную комиссию университета, Гюзаль купила маленькую булку ржаного хлеба, села на лавочку, возле университета и, крадучись, чтобы не видели прохожие, ела, отламывая крохотные кусочки. Скоро она поняла, что в этом большом городе ни у кого нет дела до нее, и успокоилась. С полным желудком стало значительно веселее, и Гюзаль слегка прогулялась, особо не отдаляясь от университета, чтобы не заблудиться. Вечерело, и пора было

подумать о ночлеге. Долго искать не пришлось. Гюзяль осенила мысль, что можно переспать во внутренней полке длинного типового стола, специально предназначенного для продажи книг на улицах города.

Озираясь, чтобы никто не заметил, в сумерках Гюзяль залезла в стол, радуясь своей находчивости. Однако вскоре поняла, что ошиблась. Алмаатинская ночь оказалась холодной, а узкая полка не давала даже перевернуться с боку набок. Хотелось вылезти и попрыгать, чтобы согреться, но страх, что ее могут увидеть хулиганы, останавливал от этой затеи. Ночь казалась бесконечной, иногда девушка проваливалась в сон, но очень быстро просыпалась и опять мучилась. Видно, надо было перенести тяготы этой ночи, чтобы догадаться, что можно легко спрятаться в одном из множества аудиторий старинного здания университета и остаться там на ночь.

Утром Гюзяль освежилась водой, мокрой рукой разгладила помявшееся платье. В аудитории, где собрались абитуриенты, она появилась позже всех. Испуганная, дикая в коричневом в белый горошек платье из штапеля, которое впервые сшила сама и парусиновых, тоже коричневых полуботинках, какие носят рабочие на стройках, девушка вызвала к себе всеобщее откровенное любопытство, которое до ожога смутило бы кого угодно. Однако сцена эта длилась не долго, потому что выдержка, с какой девушка преодолела взгляды, оказалась еще более шокирующей, и затмила собой первоначальную причину всеобщего изумления. Юные модницы столицы беглым взглядом оценили свою внешность и, почувствовав превосходство, успокоились.

Экзамены еще продолжались, а денег у Гюзяль оставалось все меньше и меньше. »Ничего, буду жевать сырую пшенку, как в детстве«, – успокоила себя девушка. Что такое голод, она знала не понаслышке. Когда после войны ее семья переезжала из далекой Сибири в Казахстан, на вокзале, Новосибирска, где все неделями ждали профилактическую обработку в целях борьбы с тифом, свирепствующим тогда, их обокрали. Они приехали в Казахстан без смены одежды, без денег.

Конкурс на факультет журналистики, куда Гюзяль поступала, был большой и пугал. Гюзяль вспомнила, как перед самым отъездом на экзамены, она встретила с бывшей одноклассницей у колонки, куда они с ведрами пришли за водой, и та поинтересовалась, правда ли, что она собралась ехать учиться в столицу, а услышав утвердительный ответ, поехидничала, что лучше было бы купить белье, чем тратить деньги на поездку. Девочка знала, что говорить, ведь мылись-то вместе в общественной бане и видели заплатки на простеньких ситцевых нательных рубашках друг друга. «Не волнуйся, говорят, в Алма-Ате под платье не заглядывают», – отпарировала Гюзяль. Но эта насмешка еще больше усилила у нее чувство ответственности перед родителями, которые, несмотря на нищету, отправили ее учиться.

Кружилась голова. Гюзяль подошла к стенду, где висели списки абитуриентов, выдержавших конкурс, но как-то не сразу нашла свой факультет. И когда нашла, строчки то расплывались, то наезжали друг на друга, и фамилия никак не попадала на глаза. Попросила стоявшую рядом девушку, одну из тех, с кем сдавала экзамены, чтобы она посмотрела список. Та толкнула ее в плечо и громко воскликнула:

– Поступила!

Но Гюзяль смутила нарочитость ее радостного возгласа, и она попросила:

– Покажи, где.

– Во! Даже ей самой не верится. Что ж бывают в жизни такие казусы! – с нескрываемым сарказмом уставилась девушка в глаза Гюзяль.

Видя ни то презрение, ни то ненависть во взгляде девушки, Гюзяль подумала, что она из числа абитуриентов, не выдержавших конкурс, и пожалела, что обратилась именно к ней, еще

больше разбередив рану в сердце девушки. Но тут подошли к ней другие, теперь уже однокурсники, стали обниматься, поздравлять друг друга и на радостях решили отправиться кататься на каруселях. Гюзаль порадовалась, что ошиблась.

Сильно закружилась голова, и девушка как – будто поплыла. Вдруг чьи-то руки подхватили ее.

–Гюзаль! – позвал знакомый голос.

Это был Закорин.

Глава 4

Гюзаль разбудил аромат пирога. Она встала с кушетки, подошла к окну, и величественные горы, сверкая белизной, приветствовали ее. Возле тротуара протекал арык, через который был перекинут узенький мостик с перилами, который прошептал ей о свиданиях влюбленных. Гюзаль увидела город другими глазами, и он больше не пугал ее.

–Гюзаль, идемте завтракать,– выглянула хозяйка из кухни.

–А Закорин еще спит?– спросила девушка и осеклась. Она назвала фамилию и, обнаружив, что, либо забыла, либо совсем не знала имя. Так Закорин знакомился со всеми, так называл себя от третьего лица, произнося фамилию с каким-то, врезающимся в память звоном.

Старушка, однако, не выразила по этому поводу никаких эмоций. Для нее это было привычным, потому, что уже много лет, чтобы продемонстрировать свое пренебрежение, только Закоринным звали ее сына родные тетушки, произнося это с унижительной интонацией.

– Нет, едва рассвело, он ушел в горы. Он альпинист, частенько проводит там дни, – с нескрываемой гордостью сообщила мать. – Но сегодня обещал вернуться к полудню.

Пирог был с ревенем с кислинкой, и они чаевали долго, подслащая пирог знакомством. Гюзаль мало вникала в то, что говорила хозяйка, все ее мысли были заняты, поразившей ее новостью, что Закорин – альпинист. Это ну никак не вязалось с тем образом, который сложился у девушки.

К полудню Закорин действительно вернулся и прямо с порога протянул Гюзаль маленький невзрачный с зеленоватыми лепестками цветок.

– Это эдельвейс. Он растет высоко в горах,– понимая, что цветок слишком скромн, чтобы очаровать, Закорин поспешил оправдать ценность цветка его малодоступностью.– Поздравляю с началом студенческой жизни!

Ни цветок, ни его непревзойденная ценность, а высокая степень внимания, какую оказал этот человек к ней, поразила Гюзаль. Это была вторая на сегодняшний день сногшибательная неожиданность.

Весь остаток дня Закорин показывал девушке фотографии, объясняя, что художественная фотография в последнее время смело врезалась в ранг искусства, и он, Закорин, увлекся этим, готовит выставку своих работ.

Гюзаль удивило, что фотографии лежали на столе грудой мусора, которую выбросить просто не доходят руки. Но самое главное, из всего просмотренного ни одна из них не произвела никакого впечатления. Девушка решила, что тут лежали лишь выборки, а отобранное для выставки где-то в упаковке. А так как, Закорин не дорожит мнением Гюзаль, посчитал, что достаточно будет сказать ей, чем именно он занимается.

– Как случилось, что вы оказались рядом у стенда университета?– поинтересовалась Гюзаль.

Закорин объяснил, что просто встречался с Тамарой, которая поступает в художественное училище и, узнав от нее, что Гюзаль, должно быть, тоже сдает вступительные экзамены, пошел искать ее.

Гюзяль сказала, что учиться будет заочно, а Закорин пригласил ее дорогой гостей на все время будущих сессий.

Девушке хотелось узнать подробности о вновь открывшейся для нее грани его жизни, но Закорин не заговорил с ней об этом, а она постеснялась излишнего любопытства. Однако оно, это любопытство, уже вселилось в нее и продолжало саднить еще очень много дней.

Глава 5

До отправления поезда в Алма-Ату было еще далеко. Странное волнение вдруг охватило Гюзяль. Она не могла усидеть в зале ожидания вокзала и вышла, спешно направилась к перрону и у калитки лицом к лицу столкнулась с тем парнем, который запечатлелся в ее памяти Онегиным.

– Как вы здесь оказались?– выпалила она.

– Я? Я проводил друга, а вот вы как тут оказались? – задали они друг другу нелепые вопросы.

Девушка объяснила, что учиться в Алма-Ате и сейчас едет на сессию.

– Мы так с вами тогда в парке не познакомились. Меня зовут Бориан, а вас?

– Гюзяль, – чуть дыша, произнесла девушка. Он помнит ее! Он вспомнил! – клокотало сердце.

Бориан взял из ее рук чемоданчик, и они пошли по перрону, говоря о каких-то пустяках. Запомнились только его вопрос о том, напишет ли она письмо ему, и свой ответ, что не знает, возможно.

Перестукивали колеса вагона на рельсах, перестукивали чувства в сердце. Думать ни о чем не хотелось, только чувствовать.

Лекции, зачеты, экзамены, дни пролетали, и Гюзяль не могла сесть за письмо. Да и о чем писать? «О походе в горы с Закориным напишу, целый воз впечатлений!» – воодушевившись, решила девушка.

Ответ не пришел, прилетел. Бориан писал, что уже отчаялся ждать, что спешил на почту, бросая товарищей, покидая пляж, упрекал, что она так долго не писала. И... попрощался, сообщив, что закончил учебу, уезжает на родину.

Сдав последний экзамен, Гюзяль помчалась на вокзал, только бы успеть на поезд, а сев на поезд, торопила отправление. Уставившись в окно, она жадно провожала глазами встречные поезда, будто один из них увозит ее любовь.

В письме Бориана был адрес его брата, у которого она могла узнать, куда его направят работать. Он писал, что не хочет ее потерять.

Писать по этому адресу Гюзяль не стала. Парень со жгуче– черным кудрявым волосом и большими темно– зелеными глазами все равно не полюбит ее, зачем беречь душу. Однако образ Бориана никогда не покидал девушку. Каждый раз, когда приходилось бывать на вокзале, она подходила к калитке, выводящей на перрон вокзала, и сердце ее замирало надеждой, что сейчас, как тогда, неожиданно возникнет Бориан. Увы, чудо не происходило.

Глава 6

Тамара закончила скульптурное отделение художественного училища, и надо было трудоустроиваться. В доме пионеров родного города ее первая учительница по изобразительному искусству уходила на пенсию и пообещала рекомендовать Тамару на свое место. Советовал устроиться туда и Закорин.

– Не губи талант, он дается не всем,– убеждала Гюзяль

Кошунством считала Гюзяль, когда люди не ценили свою одаренность. Все существо Тамары говорило о том, что Бог не только особым образом наделил ее способностью видеть красоту мироздания, но прежде всего самую девушку изваял, как образец прекрасного, будто тонким резцом выводя лицо ее, будто вытачивая каждую черточку. Прямой аккуратный нос, милая складка губ со слегка приподнятыми краями, синевато-серые глаза под смелым взлетом бровей, которые излучали холодноватый блеск, привлекая к себе внимание, и одновременно пугая недоступностью. Ледяная красота, красота не для каждого. Гарцующая походка, легкая, когда, кажется, что в следующий миг она может взмыться ввысь.

– У меня нет денег, чтобы ехать в Москву поступать в академию художеств, – возражала Тамара. – Я больше не могу тянуть деньги у родителей, теперь они сами уже живут на мизерную пенсию

– Есть идея. Пойдем со мной, мы найдем деньги на дорогу.

Гюзяль повела ее на вокзал. Зайдя в один из привокзальных цехов, она предложила свои услуги шить простыни для пассажиров. Работа низкооплачиваемая, зато не требующая особого навыка и времени. В цехе ее предложение одобрили, и девушки, засев за машинки, за несколько дней «настроили» деньги на поездку в Москву.

Провожала Гюзяль подругу не для скорой встречи и, пожалуй, затосковала бы сильно, но приехал Лев, брат Тамары и заполнил, образовавшуюся пустоту. Высокий плечистый, закаленный на стройке парень выгодно выделялся в любой толпе людей. Его развернутая грудь и смело поднятая голова, с немного выдвинутой вперед бородой, отчего взгляд его устремлялся куда – то выше всех окружающих, зрительно делали его слегка надменным недоступным и важным. Только ему известным способом, Лев умел покорять людей своей воле, почти, а, может быть, и совсем, не беря во внимание интересы других.

Очень скоро Лев познакомил Гюзяль со своими родителями и как-то сразу с бухты-бархты заявил:

– Это моя девушка, мы поженимся.

Гюзяль от удивления открыла рот. Он не делал ей предложения и не получал ее согласия. Но, видно, не в его правилах было считаться с решением других. Такое отношение к своей особе обескуражило девушку, но она промолчала.

Не уложились еще странность поступка Льва, как мать его, женщина властная с сухим колючим взглядом, с таким же апломбом, как у сына, заявила, что не благословит этот брак.

– Я не хочу сноху татарку, – сказала она, измерив взглядом достоинства девушки, от чего Гюзяль съежилась.

Однако с решением матери Лев не согласился, и они с Гюзяль поженились. Поженились просто, без свадьбы и даже без вечеринки, без колец и свадебного платья, и даже без печати в паспортах. Был только букет цветов.

Неприятие матерью его решения вызвало у Льва бунт. Он решил уйти из дома. Поселиться у родителей жены не позволяло мужское достоинство. Они сняли избушку, как оказалось бывший курятник, где температура воздуха делилась пополам. Ноги замерзали, голова горела от жары. Здесь и родилась их дочь. Однажды, в день Первомай, Гюзяль у окна кормила грудью ребенка и заметила, подхажившую к дому, свекровь.

– Мама идет к нам, беги скорее, встречай, – в пол голоса, чтобы не испугать ребенка, – воскликнула Гюзяль. Она ощутила жгучий стыд, из-за того, что не они первыми пошли к матери, а она с поклоном явилась к ним. Даже не знала, что сказать при встрече, как оправдаться.

Но объясняться не пришлось. Лев вернулся один. Она принесла крашеные яйца и пасхальный кулич, потому, что в этот день совпали два праздника Первомай и Пасха. Поздравила сына и ушла, отказавшись зайти в дом.

Даже внучку не захотела повидать, как можно? И при том верует в Бога, празднует Пасху. Что-то тут не вяжется, – с обидой недоумевала Гюзяль.

– Лева, тебе надо забегать к родителям, в чем-то помочь, закупить продукты, сделать уборку, – предложила Гюзяль, – ощущая укор совести, разве лучше поступили они сами?

Гюзяль выросла в религиозно – настроенной семье, где строго соблюдался статус главенства отца. И по примеру своей матери, она ни в чем не перечила мужу. Это устраивало его горделивый нрав. Молодая женщина не испытывала к мужу любви, но была благодарна, что он оценил в ней что-то, а теперь и вовсе был дорог ей, как отец ее ребенка. Ее родители не признавали национальной розни. Как-то, когда Гюзяль зашла к родителям, у них за чашкой чая сидел сосед, находившийся в глубокой печали из-за того, что покинут женой. Он видел причину случившегося в том, что они были с женой разной национальности и потому решил дать совет Гюзяль разойтись с мужем, мол, все равно жизнь не получится.

Гюзяль вышла в другую комнату и расплакалась. А мать подошла к ней, обняла за плечи и спросила:

– Ты счастлива с ним?

Гюзяль кивнула головой.

– Тогда вытри слезы, вернись к столу с гордо поднятой головой, не позорь мужа.

Жить в бывшем курятнике было тяжело не только морально. Как раз на месте столкновения двух температур лежал ребенок. На этой же полосе его купали, пеленали, рискуя здоровьем малыша. Сгущались тучи в доме еще и потому, что Лев все чаще возвращался от родителей мрачным, раздражительным. Гюзяль догадывалась, что свекровь не теряет надежду развести их, и это накладывало отпечаток на его настроение. Назревала гроза, и скоро грянул гром. По какому-то пустяку Гюзяль впервые возразила мужу. Это ошеломило Льва. Он вскинул на нее обезумевшие глаза и вскричал:

– И все-таки ты – татарка!

Гюзяль понимала, что это вовсе не его слова, а результат очередных нападок матери, но обида от этого не уменьшалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.